

Русская философия: революция и культура

Статья посвящена столетию русской революции и анализу ее истоков, причин и последствий в трудах русских философов Серебряного века. Все представленные ниже философы в определенном смысле были жертвами революции: или погибли, или были высланы из страны, или вынуждены были замолчать на долгие годы. Но всю жизнь они были духовно связаны с Россией, анализировали причины поражения нарождавшейся демократии, предсказывали неизбежное поражение коммунизма, оплакивали гибель отечественной культуры и искали пути ее возрождения. Надо сказать, что дальнейшее развитие нашей страны подтвердило правильность их анализа и пророчеств.

Ключевые слова: революция, культура, либерализм, диктатура, свобода, зло, творчество, психология народа.

Источником революции и ее движущей силой, по мнению русских мыслителей, выступают в одинаковой мере и власть, и народ. Ни в одной стране Европы не было такого откровенного насилия в форме крепостного права, в виде отсутствия малейших признаков демократии, в виде существования откровенно полицейского режима вплоть до начала XX в. Не было такого отчуждения народа от власти, при котором власть всегда выступала как грозная, карающая сила, как власть безбожная. Иван Грозный вырезал население целых городов, при строительстве Петербурга погибли тысячи и тысячи людей, отчего Петра I стали называть в народе антихристом. Отсюда злоба и ненависть, которые выплескивались каждый раз во времена бунтов и восстаний. К тому же в России и власть, и просвещенный класс не предпринимали

серьезных усилий для просвещения народа, развития его самосознания, понимания собственной идентичности, смягчения нравов, воспитания достоинства и самоуважения. Русский народ так по сей день и остается народом крайностей, чрезвычайно большого диапазона между добром и злом: с одной стороны, вершины святости, с другой – сатанинское зло. Русские, отмечал Н. Бердяев, – менее всего народ середины, он не стремится к среднему устойчивому достатку, к овладению навыками «средней» повседневной культуры, культуры труда, поведения и потребления.

Культура всегда была в России хрупким мостиком над бездной диких суеверий, варварства и разрушительной анархии, которые всегда могли вырваться и затопить все вокруг, снести и нравственность, и духовность, заглушить спасающую веру в высшую справедливость. С. Булгаков, имея в виду антирелигиозную пропаганду, которую вели социал-демократы, писал о том, что разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей. Эти грозные силы имеют древнее происхождение, они с трудом преодолевались русской государственностью и не были ею до конца побеждены¹. Они и вырвались наружу в революции. Н.А. Бердяев писал в 1918 г.:

Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре².

Является ли революция необходимым этапом развития культуры, в результате которого освобождаются новые энергетические источники культуры, или революция – это всегда разрушение духовных ценностей, деградация культуры? Является ли русская революция, сыгравшая для русской культуры роковую роль, типичным примером, или в истории были революции, положительно повлиявшие на культурный прогресс?

Бердяев считал, что в культуре действуют два начала: консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало по

существо враждебно культуре, антикультурно. Культура немислима без иерархической преемственности, без качественного неравенства. Революционное же начало враждебно всякой иерархии. Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе ее утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна. Обращаясь к российским социал-демократам, Бердяев писал:

И не случайно вы, революционеры, так любите говорить о буржуазности культуры, о неправде, в которой родились все культуры, и с таким пафосом декламируете против слишком дорогой цены культуры, против неравенства и жертв, которыми она покупается. Никто из вас внутренне не дорожит культурой, не любит ее интимно, не чувствует ее своей собственностью, своим собственным богатством. Культура творилась людьми чуждого вам духа. Ничто в великих памятниках культуры не вызывает в вас священного трепета. Вы с легкостью готовы разрушить все памятники великих культур, все творческие их ценности во имя утилитарных целей, во имя блага народных масс. Пора окончательно разоблачить ваше двусмысленное отношение к культуре. Новой культуры вы не можете создать, потому что вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей никакой преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков³.

Идея такой новой революционной культуры противоречива по определению. То новое, что революционеры хотят создать, не может уже именоваться культурой. Они, по Бердяеву, много говорят о революционной пролетарской культуре, которую несет в мир класс-мессия. Но до сих пор нет ни малейших признаков возникновения пролетарской культуры, нет даже намеков на возможность такой культуры. Поскольку пролетариат приобщается к культуре, он целиком заимствует ее у буржуазии. Даже социализм он получил от буржуазии. Пролетарское же сознание по существу враждебно культуре. Воинствующе сознавать себя «пролетарием» – значит отрицать всякое предание и всякую святыню, всякую связь с прошлым и всякую преемственность, значит не иметь предков, не знать своего происхождения. В таком душевном состоянии, полагал Бердяев, нельзя любить культуру и творить культуру, нельзя дорожить никакими ценностями как своими собственными. Рабочий может участвовать в жизни культуры, если он не будет сознавать себя «пролетарием».

Революции претендуют на создание нового человека. Это неизмеримо более радикальная задача, чем создание нового общества.

Новое общество после революции все-таки появляется, а новый человек – нет. В этом трагедия революции, ее роковая неудача. Новый человек не есть предмет фабрикации, он не может, согласно Бердяеву, быть продуктом социальной организации. Явление нового человека есть новое духовное рождение. Христианство, например, было призывом к новому духовному рождению. В истории же всегда происходит объективация, а не реализация, осуществление нового. Настоящая глубокая коренная революция есть изменение структуры сознания, изменение отношения к объективированному миру. Революции в объективированном мире всегда плохо кончают. Детерминизм побеждает свободу, историческое время побеждает время экзистенциальное⁴.

Революция любая и, в частности, революция русская, рассчитана, писал В. Розанов, на «большую массу». Вообще всегда восстает масса. Это худшие элементы страны (уже поэтому всякая революция обречена на гибель и неудачу), люди, не имеющие корней, не прикрепленные к месту, к сословию, классу, к работе, к должности, к службе. Революция пользуется беженцами отовсюду, ее деятели: экс-поп, экс-студент, экс-адвокат, экс-чиновник, экс-писатель.

Вечный образец революции для Европы – Французская революция. Европа XIX в. находилась под впечатлением этой революции, и вся последующая цивилизация была закреплением и расширением позиций Французской революции. Она возникла, по словам Розанова, не из священника, а из хулигана. Лакей, сбежавший от барина и вернувшийся к его поместью, чтобы его сжечь, – такова, по Розанову, суть революции, от края и до края, от вершины и до глубины. А от лакея не родится ничего, кроме «лакейской цивилизации»⁵.

Революция имеет два измерения: длину и ширину, но не имеет глубины, поэтому она никогда не завершится, писал Розанов, потому что чисто внешние социальные преобразования не освобождают человека, если он внутренне остается рабом, чьи материальные потребности, а других он не знает, никогда не удовлетворяются «сегодня». Революция обещает, что счастье и благополучие придет завтра. А всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». Остается вечная неудовлетворенность с обязательными разочарованиями и злобой на несовершенный мир.

Истинная революция возможна лишь в сфере духа. Революция производственных отношений есть отражение революции, а не сама революция. Однако идеологи экономического материализма только здесь видят истинную революционность, а в революции духа подозревают буржуазность. Подлинная революция еще «только

идет из туманов грядущей эпохи» (Андрей Белый). Все иные события – бунты, перевороты, социальные катаклизмы – только признаки приближающихся перемен, они не выводят общество к новому мироустройству, они не освобождают человека, а, в лучшем случае, пробуждают в нем новые материальные потребности, они лишь ликвидируют старые формы и не открывают новых. Так, диктатура массы вытекает из условий развития капитала, обобществление орудий товарного производства естественно следует из эволюции экономических отношений.

Все представления о царстве свободы, о будущем рае – суть только продукты ветшающей буржуазной культуры. Невозможно конкретно раскрыть содержание будущей революционной эпохи теорией социализма. А. Белый считал, выражая общее мнение художников и мыслителей Серебряного века, что здесь должен быть скачок – в совершенно новое царство свободы. Это царство свободы есть, в сущности, лишь признание нового измерения жизни помимо и вне утилитарных условий товарной культуры и ею обусловленной утилитарной рассудочной мысли. Царство свободы откроется лишь новому сознанию, и это новое сознание для нас пока недостижимо, ибо лежит за пределами нашего сегодняшнего понимания и восприятия мира.

Подлинно революционны и Ибсен, и Штирнер, и Ницше, а вовсе не Энгельс, не Маркс; в глубине их сознания гремят нам огромные революционные взрывы; и они-то нам подлинно рвут неприятельский фронт; неприятельский фронт – это наша душевная косность; и *герои из царства свободы* встают нам неясно в своем титаническом облике на вершинах искусства: Прометеи, и Данте, и Фаусты, и Эмпедоклы, летящие вниз головой в жерло кратера, и Заратустры, бегущие вверх к ледникам, – эти мощные образы только неясные прорезы граждан свободного града осуществленной за-революционной культуры⁶.

Кризис культуры – это кризис аристократический, а не демократический. Вражда революционеров к буржуазной культуре никакого кризиса, с точки зрения Бердяева, не означает. Она означает лишь некультурность, зависть к культуре. Революционеры хотят, чтобы культура была популярнее, доступнее, демократичнее, дешевле, чтобы из нее исчезло все аристократическое, малодоступное, слишком сложное и глубокое. Они хотят упрощенного правописания, упрощенного языка, упрощенной мысли. Но кризис культуры в правописании невыразим. Социалисты и революционеры пытаются применить к культуре чисто экономические

категории, т. е. вывести всю сложность и многообразие культурной жизни из соответствующего уровня экономического развития, из степени развития «базиса» общества. Но это как раз и мешает войти внутрь культуры и узнать ее специфическую, ни к чему не сводимую жизнь.

Революционные демократические и социалистические движения отбрасывают назад в сфере культуры, понижают качественный уровень культуры и ослабляют интерес к проблеме культуры. Ваши «пролеткульты» означают лишь то, что культура пролетает мимо вас и вы мимо нее. Вас интересует лишь революционное «просвещение» масс. Но и более высокое «просвещение», Просвещение XVIII века, шло мимо подлинной культуры и готовило падение культуры⁷.

В результате деятельности таких «пролеткультов» получается только «полупросвещение», самодовольное и наглое, ни перед какими святынями не склоняющееся, глубоко противоположное культуре. Оно, по мнению Бердяева, понижает культуру и громит ее, но никакого внутреннего кризиса культуры не осознает и к углублению этого кризиса не ведет, потому что вообще не ведет ни к какому углублению. Кризис культуры не имеет ничего общего с революцией. Революция – это просто погром культуры, она есть лишь внешнее следствие глубокого подспудного кризиса, вызревавшего в культуре десятилетиями. Существует духовная, аристократическая революция, происходящая иногда в культуре, но она происходит совсем в другом измерении, чем революция социальная.

Ренессанс, Реформация, английские и французские революции, зарождение революционного социализма – в этой цепи русская социалистическая революция XX в. есть, видимо, логическое завершение всего этого исторического процесса. Если отвлечься от частных и сосредоточиться на основном, то судьба русской революции есть судьба всякой революции вообще. То же самое было и во французской революции, где во имя торжества разума творилось дикое безумие, где во имя свободы, равенства и братства воцарился чудовищный деспотизм, всеобщий раздор и панический ужас, бессмысленное истребление людей и разрушение хозяйственной жизни, разнуздались инстинкты мести, ненависти и жестокости. То же относится, по Франку, и к английской революции, где строгие добродетельные пуритане с именем Бога на устах после ежедневной утренней молитвы беспощадно истребляли мирных инакомыслящих людей, и на радость сатаны мечом и разрушением

пытались насаждать в личной и общественной жизни чистое пури-танское благочестие. История революций показывает всегда одну и ту же картину: народ всегда «загоняют» в счастье, убеждают в том, что состояние общества после революции – это и есть счастье. В бесконечных вариациях и видоизменениях повторяется одна и та же тема: тема святых и героев, которые, горя самоотверженной жаждой облагодетельствовать людей, исправить их и воцарить на земле добро и правду, становятся дикими извергами, разрушающими жизнь, губящими живых.

...Всё горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания, по меньшей мере на 99% суть результат воли к осуществлению добра, фанатической веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли⁸.

Культура же для социалистов – всего лишь надстройка над материальной, экономической жизнью общества. Подобная демократизация и социализация лишь вытесняют высший культурный слой, делая его чем-то неважным, вторичным. Но без существования такого слоя и без уважения к нему культура невозможна.

Демократическим путем не могут создаваться «науки» и «искусства», не творятся философия и поэзия, не появляются пророки и апостолы. Закрытие аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников. Придется духовно существовать мертвым капиталом прошлого, отрицая и ненавидя это прошлое. И сами источники культуры в прошлом все более и более теряются, отрыв от них все более и более углубляется⁹.

Всякие идеи относительно «Города Солнца» осуществившихся утопий, которыми развлекаются социалистические идеологи, – все это, с точки зрения Розанова, абсолютная чепуха. Это не будущее, а смерть. И социализм пройдет как дисгармония, пророчествовал он, как проходит всякая дисгармония. Социализм – это буря, дождь, ветер, а выйдет солнце, высушит все вокруг, и будут люди удивляться: неужели он был, неужели барабанил в окно град: братство, равенство, свобода, неужели из-за этого погибло так много людей?¹⁰

В культуре революция, с точки зрения русских философов, может быть только одна – революция духа, революционные из-

менения нашего сознания. Могут быть революции в технике, в земледелии, но это уже относится не к культуре, а к цивилизации. Революции социальные могут быть для культуры только разрушительными, и особенно разрушительными они становятся в XX в. Человек как творец культуры, культурных ценностей должен, по Франку, знать, для чего он вообще живет, поскольку он не может жить ни для какого политического, социального, общественного порядка. Человек культуры не верит больше, что в ней можно найти абсолютное добро и абсолютную правду. Он видит и знает, наоборот,

...что все, кто искали этой правды на путях внешнего, государственного, политического, общественного устройства жизни, все, кто верили в монархию или в республику, в социализм или в частную собственность, в государственную власть или в безвластие, в аристократию и в демократию как в абсолютное добро и абсолютный смысл, – все они, желая добра, творили зло и, ища правды, находили неправду¹¹.

Итак, у революции и культуры очень сложные взаимоотношения. С одной стороны, революция неизбежна, поскольку неизбежно повторяются социальные кризисы, влекущие за собой разорение и нищету народа. Это особенно характерно для XX в., в котором революции стали чуть ли не обыденным явлением в силу их частоты и всемирного распространения. Культура всегда имеет тенденцию к застыванию, окостенению, и революция встряхивает культуру, сдвигает неподвижные пласты, открывает новые неожиданные перспективы, позволяет проявиться новым, ранее не признанным талантам. Скольких выдающихся деятелей политической культуры выдвинула Великая французская революция. С другой стороны, революция или резко понижает существующий уровень духовной культуры, или вообще оказывается разрушительной для нее. Собственно, народ воюет не столько против культуры, (хотя она в своих высших проявлениях отождествляется в его глазах с ненавистным политическим режимом), сколько против существующих форм распределения собственности, всевластного господства бюрократии, полицейского произвола и т. д. Именно к цивилизации, а не к культуре можно отнести слова В. Соловьева, согласно которому культура существует не для того, чтобы был рай, а для того, чтобы не было ада. То есть должен существовать определенный набор необходимых правил человеческого существования, чтобы общество могло функционировать нормально, чтобы люди не вцеплялись друг другу в горло по всякому поводу.

Беда России в том, что здесь было много культуры, но мало цивилизации. Революция часто враждебна цивилизации, а не культуре (Бердяев, например, отмечал, какая обнаружилась тяга к культуре у народа после революции, сколько солдат и матросов ходили на его лекции), но поскольку она разрушает цивилизацию, она разрушает и тот необходимый ее уровень, который нужен для нормального функционирования культуры. Сюда входят свобода печати, свобода слова, беспартийность художника, автономия университетов и т. п. Иначе утверждается иллюзия, что революция порывает со старым, хотя на самом деле меняется лишь внешняя форма. Старое рабство меняет одеяние, старое неравенство преобращается в новое.

Примечания

- ¹ См.: *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 79–80.
- ² *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Там же. С. 256.
- ³ *Бердяев Н.А.* О культуре // Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 250.
- ⁴ См.: *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 117–121.
- ⁵ См.: *Розанов В.В.* Мимолетное. 1915 год // Розанов В.В. Собрание сочинений. Мимолетное. М., 1994. С. 159.
- ⁶ *Белый А.* Революция и культура // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 306.
- ⁷ *Бердяев Н.А.* О культуре. С. 257.
- ⁸ *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Франк С.Л. Непостижимое. М., 1990. С. 128.
- ⁹ *Бердяев Н.А.* О культуре. С. 251–252.
- ¹⁰ См.: *Розанов В.В.* Опавшие листья // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 190.
- ¹¹ *Франк С.Л.* Крушение кумиров. С. 131.